

Psyche

Ἀριστοτέλης
Περὶ Ψυχῆς

АРИСТОТЕЛЬ О ДУШЕ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 122/129
ББК 87.3
А81

*Перевод с древнегреческого П. С. Попова
Примечания А. В. Сагадеева
Вступительная статья А. В. Лызлова*

Аристотель

А81 О душе / Аристотель ; [пер. с др.-греч. П. С. Попова; примеч. А. В. Сагадеева; вступит. ст. А. В. Лызлова]. — М. : РИПОЛ классик. — 260 с. — (PSYCHE).

ISBN 978-5-519-64081-7

Работа Аристотеля «О душе» представляет собой первую в Античности попытку систематического научного исследования данного предмета. Аристотель рассматривает душу как целое и описывает различные способности души в их существе, действии и связи друг с другом. Развиваемый Аристотелем способ рассмотрения живых («одушевленных») существ, а также вводимый им ряд понятий будут сохранять актуальность на протяжении всей истории европейской научной и философской мысли вплоть до современности.

**УДК 122/129
ББК 87.3**

ISBN 978-5-519-64081-7

© Лызлов А.В., вступительная
статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа компаний
«РИПОЛ классик», 2018

Аристотель — основоположник науки о душе (вместо предисловия)

Когда мы смотрим на картину Рафаэля «Афинская школа», мы видим на переднем плане Платона и Аристотеля, идущих рядом друг с другом. Седовласый Платон указывает на небо, а Аристотель простирает руку к земле. Этот образ наглядно показывает смысл расхождения Аристотеля со своим учителем — расхождения, которое привело, в частности, к тому, что Аристотель станет создателем первого в Античности проекта систематического научного изучения мира. Именно в школе Аристотеля античная наука впервые обретает столь привычную нам форму системы взаимосвязанных методически разрабатываемых дисциплин.

Взгляд Платона-философа, отталкиваясь от материальных вещей, устремлён к созерцанию идей как вечных и неизменных образцов, сообразно которым созданы все вещи. По мысли Платона, материальная вещь, будучи воплощением соответствующей идеи — воплощением, всегда по отношению к идее неполным, ущербным — без идеи никогда не существует, но идеи для своего существования не нуждаются в вещах. Более того, и мы, считает Платон, не из вещей узнаём идеи, ведь для того, чтобы узнавать ту или иную вещь как то-то и то-то, мы уже должны знать идею, которую эта вещь воплощает. Наше познание является, таким образом, *припоминанием* уже известных нами идей. И это познание, согласно Платону, будет тем более полным и чистым, чем более полно мы будем обращены к созерцанию идей как таковых, очистив взор от «примесей» материального.

Для Платона материальные вещи оказываются, таким образом, лишь ущербным воплощением, «теньями» идей, и их познание не представляет для него самостоятельного

интереса. Изначально находя себя созерцающими эти «тени», по мысли Платона, мы должны стремиться взойти к созерцанию той действительности, тенями которой они являются: мира идей. Тем самым, исследование материальных вещей как таковых не представляет для Платона самостоятельного интереса.

Напротив, Аристотель как бы спускает философскую мысль с небес на землю, сосредотачивая взор на нашем земном опыте, реальной жизни. Он стремится показать, что платоновский миф о том, что до рождения мы знакомимся с миром идей, и познавая, припоминаем уже знаемые нами идеи, не есть что-то неоспоримое. По Аристотелю мы можем мыслить познание этого мира как начинающееся уже изнутри нашего присутствия в нем. Мы узнаём в дереве дерево, в лошади лошадь, в корове корову, в человеке человека не потому, что мы созерцали соответствующие идеи до рождения, а потому, что каждая из этих вещей вступает в круг нашего опыта каким-то особым, характерным имен-

но для данного вида вещей образом. Вещь дана нам в опыте не только в наборе внешних, уникальных, присущих именно ей качеств, но каждая вещь присутствует для нас определённым способом, который роднит её с вещами того же вида, так что она единым для вещей этого вида способом входит в нашу жизнь. (К примеру, пользуясь ложкой, мы имеем с ней дело одновременно и в её уникальности, и в её видовом качестве: мы сообразуемся с её конкретными характеристиками, но при этом едим ей так же, как и всякой ложкой.) Мы не можем узнать, что есть вещь по своей сути, узнать идею вещи, вне и до взаимодействия с ней. Лишь постепенно осваивая и узнавая вещь, мы познаём её идею.

Из этого рождается интерес к эмпирическому исследованию. Аристотель — прекрасный наблюдатель. Он умеет двигаться от наблюдений отдельных явлений к попытке постичь их суть. Поскольку идеи всегда нам даны только вместе с вещами, то мы, наблюдая за ними, стремимся познать принцип их устроенности как можно более полно, пред-

полагая при этом, что наше познание остаётся не завершённым. И стремясь сделать его более полным, мы продолжаем наблюдать, благодаря чему наш общий набросок того, как устроены вещи, постоянно пополняется, обогащается, а наше исследование становится непрерывно развивающимся исследованием окружающего нас мира.

При этом аристотелевская философия, которая развивается как наблюдающее исследование мира, которая начинается с умения удивляться простым вещам, и внимательно рассматривает их, впервые становится философией понятийной. У Платона мы видим ещё письменную транскрипцию сократического диалога. Собеседники разыскивают истину, как то, что в своей полноте в их опыте ещё не присутствует. То, до чего человек доискивается, всё время превосходит то, до чего человек уже доискался. Стремясь к истине, человек постоянно стремится к чему-то большему чем то, что он постиг, и постоянно перерастает себя наличного. И Платон всегда рассматривает человека

в этом превышении самого себя. Никакая фиксация нашего пути не должна создавать у нас иллюзии, будто мы всё уже знаем. Язык Платона не понятийный, потому что Платон очень настойчиво идёт всё дальше и дальше, он понимает, что то, что он фиксирует, он фиксирует лишь как момент на пути разыскания истины.

В ответ на это Аристотель как бы говорит: да, человеку важно совершенствоваться, важно не останавливаться на том, что он понял, но всё-таки не менее важно по пути фиксировать то, что мы уже узнали о мире и о самих себе — и тогда уже, опираясь на то, что мы знаем и пользуясь им, устремляться к ещё не известному. В лице Аристотеля философия впервые становится понятийной, начинает фиксировать в понятиях доступное нам знание.

И ещё один принципиальный момент. Наука, как её выстраивает Аристотель, представляет собой систему связанных друг с другом дисциплин. Научные дисциплины составляют систему, взаимосвязь, потому что